

Святловский Владимир Владимирович

**Очерки и картинки из
Кавказских воспоминаний**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В57

В57 **Владимир Владимирович С.**
Очерки и картинки из Кавказских воспоминаний / Святловский Владимир
Владимирович – М.: Книга по Требованию, 2026. – 277 с.

ISBN 978-5-519-85074-2

ISBN 978-5-519-85074-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

в ѣ Азіи.

Путевые очерки и картины.

I.

«Человѣкъ, который видѣлъ только одну свою страну, прочелъ только одну страницу изъ жизни».

Байронъ.

Изъ всѣхъ произведеній Байрона наиболѣе сильное впечатлѣніе у насъ въ Россіи произвелъ, кажется, «Донъ-Жуанъ», — между тѣмъ въ немъ онъ описываетъ Россію, въ которой никогда не бывалъ, по которой никогда не путешествовалъ, но которою всегда сильно интересовался. По отношенію къ Россіи англійскій поэтъ измѣнилъ своему обѣщанію никогда не описывать страну, которой не видалъ собственными глазами, но за то всегдашнюю его мечтой оставалось посѣтить Кавказъ.

Признаюсь, и меня чуть ли не съ дѣтскихъ лѣтъ манила къ себѣ эта страна, этотъ дикій край, весь улитый потоками русской

крови, этотъ «погибельный Капказъ» съ его громадными, неприступными твердынями, бѣшенными рѣками и красивыми черкешенками. Однако, по волѣ судьбы, мнѣ пришлось впервые посѣтить этотъ край въ тяжелую годину холерной эпидеміи 1892 года, -и я, проводя два мѣсяца на Кавказскихъ минеральныхъ водахъ, въ концѣ августа выѣхадъ изъ Кисловодска во Владикавказъ.

Болѣзненная мечта всѣхъ отъѣзжающихъ съ Кавказскихъ минеральныхъ водъ—не подвергнуться «обсерваціи» и не попасть въ карантинъ. Дѣйствительно, въ лексиконѣ путешественника врядъ ли можно найти болѣе страшное слово, чѣмъ карантинъ. Теперь карантинны чуть ли не повсемѣстно сняты, а курсовые больные продолжаютъ беспокоиться, особенно тѣ, которые возвращаются съ Кавказа моремъ, или ѣдутъ оканчивать сезонъ въ Ялту. Оказывается, что и въ тридцатыхъ годахъ у насъ карантина боялись ничуть не меньше теперешняго. Знаменитый Пушкинъ въ 1831 году писалъ про карантинны слѣдующее:

«Покаместъ полагали, что холера прилипчива, какъ чума, до тѣхъ поръ карантинны были зло необходимое, но какъ скоро начали замѣчать, что холера находится въ воздухѣ, то карантинны должны были тотчасъ быть уничтожены. Шестнадцать губерній вдругъ не могутъ быть оцѣплены, а карантинны, не подкрѣпленные достаточною цѣпью, военною силою,

«суть только средства къ притѣсненію и причины къ общему неудовольствію. Вспомнимъ, что турки предпочитаютъ чуму карантинамъ. Въ прошломъ году (дѣло идетъ о тридцатомъ годѣ) карантины остановили всю промышленность, заградили путь обозамъ, привели въ нищету подрядчиковъ и извозчиковъ и чуть не взбунтовали шестнадцать губерній. Злоупотребленія неразлучны съ карантинными постановленіями, которыхъ не понимаютъ ни употребляемые на то люди, ни народъ. Уничтожьте карантины—народъ не будетъ отрицать существованія заразы, станетъ принимать предохранительныя мѣры и прибѣгнетъ къ лекарямъ и правительству, но покамѣстъ карантины тутъ, меньшее зло будетъ предпочтено большему, и народъ будетъ болѣе беспокоиться о своемъ продовольствіи, объ угрожающей нищетѣ и голодѣ, нежели о болѣзни невѣдомой и коей признаки такъ близки къ отравѣ.»

Вотъ что писалъ великій Пушкинъ въ 1831 году, и подъ этими строками можно подписаться и понынѣ.

Изъ Кисловодска намъ путь лежалъ вглубь Кавказа, по знаменитой Военно-Грузинской дорогѣ, на которой, по слухамъ, совершается досмотръ пассажировъ и дезинфекція ихъ багажа.

Дорога изъ Кисловодска до станціи «Минеральныя воды» Владикавказской желѣзной

дороги идетъ отличнымъ шоссе, содержащимся въ образцовомъ порядкѣ, несмотря на то, что этому шоссе чуть не на-дняхъ придется уступить свое мѣсто рельсовому пути. Быстро промелькнула мимо насъ великолѣпная, построенная еще при Воронцовѣ, нарзанная галлерей, воздвигнутая въ стилѣ англійской средневѣковой архитектуры, знаменитая Тополевая аллея и не менѣе знаменитая Крестовая гора, служащая однимъ изъ любимыхъ мѣстъ прогулокъ курсовыхъ больныхъ. Говоря о Крестовой горѣ, невольно вспоминается кровавый эпизодъ, разыгравшійся здѣсь при Воронцовѣ же въ 1850 году. Одинъ азіатскій князекъ повздорилъ изъ-за приданого съ зятемъ, тоже азіатомъ, но въ то же время и генераломъ русской службы. Генераль, недовольный величиною колыма, полученнаго за дочь, возбудилъ дѣло у русскихъ властей, обвиняя князька въ самовольномъ увозѣ у него дочери. Въ то время начальникомъ центра былъ князь Эристовъ, жившій въ Кисловодскѣ, близъ Крестовой горы. Эристовъ вызвалъ князька къ себѣ для личныхъ переговоровъ, и когда тотъ явился въ сопровожденіи брата и нѣсколькихъ вооруженныхъ нукеровъ, то начальникъ центра въ присутствіи собранныхъ на дворѣ донцовъ и роты солдатъ приказалъ обезоружить и арестовать князька. Тогда горцы обнажили шашки и съ гикомъ поскакали на Крестовую гору. Затѣмъ началась отвратительная травля; троихъ нукеровъ

убили тутъ же на горѣ, остальные были перебиты послѣ отчаяннаго сопротивленія. Особенно дорого продалъ свою жизнь, оставая честь и народные обычаи, одинъ нукеръ, который забаррикадировался на хорахъ казенной гостиницы, расположенной у подножія той же горы, и прежде чѣмъ сложилъ свою буйную голову убилъ кинжаломъ буфетчика гостиницы и застрѣлилъ двухъ солдатъ. Нѣтъ, конечно, никакого сомнѣнія, что вся эта кровавая драма не могла бы имѣть мѣста, еслибы мѣстные обычаи пользовались большимъ уваженіемъ со стороны военного начальства, которому были ввѣрены судьбы кавказскихъ народовъ въ свое время *).

На кисловодскомъ шоссе страшныя тучи пыли, которыя съ ногъ до головы напудриваютъ путника, его экипажъ и лошадей. Да и немудрено, такъ какъ вотъ уже скоро полтора мѣсяца, какъ здѣсь стоитъ превосходная погода, перешедшая мало-по-малу въ сильнѣйшую жару и засуху. А между тѣмъ въ паркѣ все пожелтѣло, листья сильно опали и, несмотря на неимовѣрную духоту, вся природа приняла какой-то грустный осенній колоритъ.

Не забудемъ при этомъ, что кисловодскій

*) Зисерманъ въ «Русскомъ Обзорѣніи», кажется за 1893 годъ, въ чемъ то исправляетъ мое описаніе кроваваго кисловодскаго эпизода, но признаюсь, и послѣ этого исправленія я не могъ ничего измѣнить въ своемъ текстѣ.

паркъ, хотя и размѣщенъ въ котловинѣ между горъ, тѣмъ не менѣе находится почти на одной высотѣ съ вершиной Машука, т. е. поднятъ надъ уровнемъ моря почти на 3.000 футъ. Не могу кстати не отмѣтить невѣрности наблюденія, утверждающаго, что въ Кисловодскѣ не бываетъ ни мухъ, ни комаровъ. Комаровъ, дѣйствительно, я не видалъ лѣтомъ 1892 года, но за то мухи имѣются въ самомъ несносномъ изобиліи. Вообще по части отступленія отъ истины наши путеводители по лечебнымъ мѣстамъ грѣшатъ весьма изрядно. Такъ напри- мѣръ, въ одномъ весьма обстоятельномъ путе- водителѣ по Кавказу при описаніи Нарзана имѣются такія строки: «шумъ и клокотаніе воды въ Нарзанѣ до того громки, что вблизи источника отчасти заглушаютъ разговоръ». Всякій, побывавшій въ Кисловодскѣ (я имѣю въ виду старый дѣ каптажный «Нарзанъ»), знаетъ, что это неправда и, конечно, такія по- этическія вольности не должны бы имѣть мѣста въ серьезной книгѣ.

Какъ ни пыльно и какъ ни жарко на шос- се отъ Кисловодска въ Пятигорскъ *), но до- рога почти вплоть до Ессентуковъ такъ жи- вописна, такіе милые ландшафты открываются вокругъ, что путникъ долго не чувствуетъ ни- какого утомленія. Дорога идетъ сперва по

*) Въ 1892 году минераловодская вѣтвь Ростово-Владикавказской желѣз. дороги находилась еще въ постройкѣ.

правому гористому берегу Подкумка; долина рѣки сначала очень широка, вдали слѣва виднѣется Кольцо-гора, т. е. уступъ съ оригинальною промоиной въ песчаномъ грунтѣ, имѣющей издали поразительное сходство съ искусственно сдѣланнымъ круглымъ окномъ. Еще дальше, совѣмъ на горизонтѣ, синѣетъ гора Римъ,—также одно изъ излюбленныхъ мѣстъ для эскурсій кисловодскихъ обывателей. Окрестности Кисловодска, какъ и вообще весь Кавказъ, по преданію, видали у себя не только римлянъ, гетуэзцевъ и венеціанцевъ, но даже воиновъ Александра Македонскаго и гунновъ. По преданію, самъ великій полководецъ и его сподвижники продѣлывали «минеральный» курсъ въ мало-извѣстномъ еще у насъ въ Россіи и чудесномъ горно-водолечебномъ курортѣ Абасъ-Тумаѣ, расположенномъ недалеко отъ Боржома. А знаменитый Шамиль въ шутку не разъ говаривалъ, что Александръ Македонскій, завоевавъ весь свѣтъ, заселилъ Кавказъ самыми разбойничьими элементами своихъ полчищъ.

Какъ бы то ни было, но близъ горы Римъ отлично сохранились слѣды какого-то города и укрѣпленія. О троглодитахъ здѣсь не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ изъ земли и изъ сосѣднихъ пещеръ археологами и любителями извлечено не мало монетъ, оружія, крестиковъ и надгробныхъ съ надписями камней, свидѣ-

тельствующихъ, что здѣсь жилъ культурный и христіанскій народъ.

Окружающія Кисловодскъ горы не имѣютъ спеціальныхъ названій и въ сущности составляютъ отроги Пестраго или Скалистаго хребта. Геологи думаютъ, что эти горы представляли собою нѣкогда морскіе коралловіе рифы, поднявшіеся во время земныхъ переворотовъ до настоящей своей высоты. Строеніе горъ изъ известняка съ органическими прослойками изъ рода коралловъ какъ нельзя лучше подтверждаютъ справедливость этого предположенія.

Извѣстный ученый Абихъ, создавшій, можно сказать, всю геологію Кавказа, признаетъ для этой страны два поднятія морского дна. Поднятія эти совершались въ разныхъ направленіяхъ, въ сѣверо-западномъ и сѣверо-восточномъ, и относятся къ концу мѣловаго періода. При первомъ поднятіи появился, между прочимъ, Бештау, а при второмъ—Машукъ, гора Юца, снабжающая прѣсною водой Пятигорскъ и, наконецъ, царь всѣхъ кавказскихъ горъ—двуглавый Эльборусъ. Тогда же образовались трещины въ доломитовыхъ слояхъ и возникъ знаменитый ключъ Нарзанъ.

Отроги Пестрыхъ горъ образуютъ вокругъ Кисловодска настоящія террасы, напоминающія мѣстами гигантскія ступени еще болѣе гигантской лѣстницы. Все пространство между горъ по теченію Подкумка безлѣсно и пред-

сѣдѣетъ собой богатые пастбища и сѣнокосы. Чѣмъ дальше подвигаешься по долинѣ Подкумка, переѣхавъ по прекрасному мосту на лѣвый берегъ рѣки, тѣмъ ближе придвигаются къ намъ горы и дорога идетъ почти-что ущельемъ.

Справа безлѣсныя горы имѣютъ такой курьезный видъ, что безъ всякой натяжки ихъ можно сравнить съ окаменѣвшими морскими волнами. Какъ ни однообразна все время эта картина, но благодаря игрѣ свѣта, краски ея получаютъ ежеминутно такіе новые тоны, что глазъ не устаетъ любоваться и поневолѣ вспоминаются слова знаменитаго баснописца: «куда на выдумки природа таровата». Слѣва горы подходятъ къ самому шоссе въ видѣ отвѣсныхъ известковыхъ громадъ съ рѣзко выраженнымъ слонстымъ строеніемъ. Отвѣсныя известковыя скалы лѣвой дороги напоминаютъ Бермаутскую террасу, поднятую на 8.500 футовъ надъ уровнемъ моря и представляющую ближайшій пунктъ, съ котораго можно любоваться главнымъ кавказскимъ хребтомъ.

Мнѣ только-что довелось побывать тамъ. Поѣхали мы туда изъ Кисловодска цѣлою компаніей въ двухъ фэтонахъ шестериками. Набрали кучу теплаго платья, дровъ, самоваръ и всякой провизіи. Отъ Кисловодска приходилось сдѣлать слишкомъ сорокъ верстъ по простой дорогѣ, по которой на арбахъ возятъ сѣно и гигантскій лѣсъ, растущій у подножія Эльборуса. Дорога начинается подниматься въ

гору почти отъ самаго Кисловодска и хотя въ общемъ нѣтъ ни особенно крутыхъ подъемовъ, ни спусковъ, все же представляетъ значительныя неудобства; мѣстами она проложена по окраинамъ весьма головокружительныхъ балокъ и лоцинъ, въ которыхъ шла дѣятельная уборка сѣна, мѣстами по слишкомъ уже крупному щебню размытыхъ и вывѣтренныхъ породъ.

Ландшафты одинъ красивѣе другого смѣняютъ другъ друга: видна сверху и березовая балка, и дальній водопадъ и знаменитое ущелье, въ которомъ расположенъ замокъ «Коварства и Любви». Съ каждою новою пройденною верстой грудь дышетъ легче, воздухъ становится чище и горизонтъ безпредѣльно расширяется. Оглянувшись назадъ къ Кисловодску съ «Косаго извоза», видишь не только Сѣдло-гору, но вдали вырисовывается синій гигантъ Бештау, горы Юца и Машукъ, а спереди, чуть ли не съ полдороги, начинаютъ показываться серебряныя главы Эльборуса. Всю дорогу ни одного жилья, ни одного духана, зато масса табуновъ лошадей, стадъ домашнихъ козъ, овецъ и быковъ. Стада пасутъ верховые—горные татары въ своихъ живописныхъ лохмотьяхъ. Въ одномъ мѣстѣ мы встрѣтили двухъ татарченковъ, которые стерегли громадное стадо великолѣпныхъ рыжихъ козловъ, но мы тщетно подзывали къ себѣ этихъ дикарей: они пугливо озирались по сторонамъ и поспѣшно отъ насъ скрылись.